

Ф.М. Достоевский

Дневник писателя, 1876 год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Д70

Д70 **Достоевский Ф.М.**
Дневник писателя, 1876 год / Ф.М. Достоевский – М.: Книга по Требованию,
2013. – 392 с.

ISBN 978-5-4241-0629-3

Воспроизведено в оригинальной авторской орфографии

ISBN 978-5-4241-0629-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013
© Ф.М. Достоевский, 2013

ЯНВАРЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Вмѣсто предисловія

о Большой и Малой Медвѣдцахъ, о Молитвѣ великаго Гете
и вообще о дурныхъ привычкахъ.

... Хлестаковъ, по крайней мѣрѣ, враль — враль у городничаго, но все же капельку боялся, что вотъ его возьмутъ, да и вытолкаютъ изъ гостиной. Современные Хлестаковы ничего не боятся и врутъ съ полнымъ спокойствиемъ.

Нынче всѣ съ полнымъ спокойствиемъ. Спокойны и, можетъ быть, даже счастливы. Врядъ ли кто даетъ себѣ отчетъ, всякий дѣйствуетъ "просто", а это уже полное счастье. Нынче, какъ и прежде, всѣ проѣдены самолюбіемъ, но прежнее самолюбіе входило робко, оглядывалось лихорадочно, вглядывалось въ физіономіи. "Такъ-ли я вошелъ? Такъ-ли я сказалъ?" Нынче же всякий и прежде всего увѣренъ, входя куда нибудь, что все принадлежитъ ему одному. Если же не ему, то онъ даже и не сердится, а мигомъ рѣшаетъ дѣло; не слыхали-ли вы про такія записочки:

"Милый папаша, мнѣ двадцать три года, а я еще ничего не сдѣлалъ; убѣжденный, что изъ меня ничего не выйдетъ, я рѣшился покончить съ жизнью"...

И застрѣливается. Но тутъ хоть что нибудь да понятно: "для чего-де и жить какъ не для гордости?" А другой посмотритъ, походитъ и застрѣлится молча, единственно изъ-за того, что у него нѣтъ денегъ, чтобы нанять любовницу. Это уже полное свинство.

Увѣряютъ печатно, что это у нихъ отъ того, что они много думаютъ. "Думаетъ — думаетъ про себя, да вдругъ гдѣ нибудь и вынырнетъ, и именно тамъ, гдѣ намѣтилъ". Я убѣженъ, напротивъ, что онъ вовсе ничего не думаетъ, что онъ рѣшительно не въ силахъ составить понятіе, до дикости неразвить, и если чего захочетъ, то утробно, а не сознательно; просто полное свинство и вовсе тутъ нѣтъ ничего либерального.

И при этомъ ни одного Гамлетовскаго вопроса:

"Но страхъ что будеть тамъ... "

И въ этомъ ужасно много страннаго. Неужели это безмысле въ русской природѣ? Я говорю безмысле, а не безсмысле. Ну, не вѣрь, но хоть помысли. Въ нашемъ самоубийцѣ даже и тѣни подозрѣнія не бываетъ о томъ, что онъ называется я и есть существо бессмертное. Онъ даже какъ будто никогда не слыхалъ о томъ ровно ничего. И однако онъ вовсе и не атеистъ. Вспомните прежнихъ атеистовъ: утративъ вѣру въ одно, они тотчасъ же начинали страшно вѣровать въ другое. Вспомните страстную вѣру Дири, Вольтера... У нашихъ — полное *tabula rasa*,¹ да и какой тутъ Вольтеръ: просто нѣть денегъ, чтобы нанять любовницу, и больше ничего.

Самоубийца Вертеръ, кончая съ жизнью, въ послѣднихъ строкахъ имть оставленныхъ, жалѣТЬ, что не увидить болѣе "прекраснаго созвѣздія Большой Медвѣдицы" и прощается съ нимъ. О, какъ сказался въ этой черточкѣ только что начинавшійся тогда Гете! Чѣмъ же такъ дороги были молодому Вертеру эти созвѣздія? Тѣмъ, что онъ сознавалъ, каждый разъ созерцая ихъ, что онъ вовсе не атомъ и не ничто передъ ними, что вся эта бездна таинственныхъ чудесъ Божіихъ вовсе не выше его мысли, не выше его сознанія, не выше идеала красоты заключеннаго въ душѣ его, а, стало быть, равна ему и роднитъ его съ безконечностью бытія... и что за все счастіе чувствовать эту великую мысль, открывающу ему: кто онъ? — онъ обязанъ лишь *своему лицу человѣческому*.

"Великій Духъ, благодарю тебя за ликъ человѣческій, Тобою данный мнѣ".

Вотъ какова должна была быть молитва великаго Гете во всю жизнь его. У насъ разбиваются этотъ данный человѣкъ ликъ совершенно просто и безъ всякихъ этихъ нѣмецкихъ фокусовъ, а съ Медвѣдицами, не только съ Большой, да и съ Малой-то никто не вздумаетъ попрощаться, а и вздумаетъ, такъ не станетъ: очень ужъ это ему стыдно будетъ.

— О чемъ это вы заговорили? спросить меня удивленный читатель.

— Я хотѣль было написать предисловіе, потому что нельзя же совсѣмъ безъ предисловія.

— Въ такомъ случаѣ лучше объясните ваше направленіе, ваши убѣжденія, объясните: что вы за человѣкъ и какъ осмѣлились объявить "Дневникъ Писателя?"

¹ пустота; *букв.* — чистая доска (*лат.*).

Но это очень трудно и я вижу, что я не мастеръ писать предисловія. Предисловіе, можетъ быть, также трудно написать, какъ и письмо. Что же до либерализма (вмѣсто слова "направленіе" я уже прямо буду употреблять слово: "либерализмъ"), что до либерализма, то всѣмъ извѣстный Незнакомецъ, въ одномъ изъ недавнихъ фельетоновъ своихъ, говоря о томъ, какъ встрѣтила пресса наша новый 1876 годъ, упоминаетъ, между прочимъ, не безъ Ѳдкости, что все обошлось достаточно либерально. Я радъ, что онъ проявилъ тутъ Ѳдкость. Дѣйствительно, либерализмъ нашъ обратился въ послѣднее время повсемѣстно — или въ ремесло или въ дурную привычку. То-есть, сама по себѣ это была бы вовсе недурная привычка, но у насъ все это какъ-то такъ устроилось. И даже странно: либерализмъ нашъ, казалось бы, принадлежитъ къ разряду успокоенныхъ либерализмовъ; успокоенныхъ и успокоившихся, что по моему очень ужъ скверно, ибо квѣтизмъ всего бы меньше, кажется, могъ ладить съ либерализмомъ. И что же, не смотря на такой покой, повсемѣстно являются несомнѣнныне признаки, что въ обществѣ нашемъ, мало по малу, совершенно исчезаетъ пониманіе о томъ: что либерально, а что вовсе нѣтъ, и въ этомъ смыслѣ начинаютъ сильно сбиваться; есть примѣры даже чрезвычайныхъ случаевъ сбивчивости. Короче, либералы наши, вмѣсто того, чтобы стать свободнѣе, связали себя либерализмомъ какъ веревками, а потому и я, пользуясь симъ любопытнымъ случаемъ, о подробностяхъ либерализма моего умолчу. Но вообще скажу, что считаю себя всѣхъ либеральнѣе, хотя бы по тому одному, что совсѣмъ не желаю успокаиваться. Ну вотъ и довольно обѣ этомъ. Что же касается до того, какой я человѣкъ, то я бы такъ о себѣ выразился: "Je suis un homme heureux qui n'a pas l'air content", то-есть, по-русски: "Я человѣкъ счастливый, но — кое чѣмъ недовольный"....

На этомъ и кончаю предисловіе. Да и написалъ-то его лишь для формы.

II. Будущій романъ. Опять "Случайное семейство".

Въ клубѣ художниковъ была елка и дѣтскій балъ и я отправился посмотретьъ на дѣтей. Я и прежде всегда смотрѣлъ на дѣтей, но теперь присматриваюсь особенно. Я давно уже поставилъ себѣ идеаломъ написать романъ о русскихъ теперешнихъ дѣтяхъ, ну и конечно о теперешнихъ ихъ отцахъ, въ теперешнемъ взаимномъ ихъ соотношеніи. Поэма

готова и создалась прежде всего, какъ и всегда должно быть у романиста. Я возьму отцовъ и дѣтей по возможности изъ всѣхъ слоевъ общества и прослѣжу за дѣтьми съ ихъ самого первого дѣтства.

Когда полтора года назадъ, Николай Алексѣевичъ Некрасовъ приглашалъ меня написать романъ для "Отечественныхъ Записокъ", я чуть было не началъ тогда моихъ "Отцовъ и дѣтей", но удержался и слава Богу: я былъ не готовъ. А пока я написалъ лишь "Подростка", — эту первую пробу моей мысли. Но тутъ дитя уже вышло изъ дѣтства и появилось лишь неготовымъ человѣкомъ, робко и дерзко желающимъ поскорѣе ступить свой первый шагъ въ жизни. Я взялъ душу безгрѣшную, но уже загаженную страшною возможностью разврата, раннею ненавистью за ничтожность и "случайность" свою и тою широты, съ которой еще цѣломудренная душа уже допускаетъ сознательно порокъ въ свои мысли, уже лелѣеть его въ сердцѣ своемъ, любуется имъ еще въ стыдливыхъ, но уже дерзкихъ и бурныхъ мечтахъ своихъ — все это, оставленное единственно на свои силы и на свое разумѣніе, да еще, правда, на Бога. Все это выкидыши общества, "случайные" члены "случайныхъ" семей.

Въ газетахъ всѣ недавно прочли объ убийствѣ мѣщанки Перовой и объ самоубийствѣ ея убийцы. Она съ нимъ жила, онъ былъ работникомъ въ типографіи, но потерялъ мѣсто, она же снимала квартиру и пускала жильцовъ. Началось несогласіе. Перова просила его ее оставить. Характеръ убийцы былъ изъ новѣйшихъ: "не мнѣ, такъ никому". Онъ далъ ей слово, что "оставитъ ее", и варварски зарѣзалъ ее ночью, обдуманно и преднамѣренно, а затѣмъ зарѣзался самъ. Перова оставила двухъ дѣтей, мальчиковъ, 12 и 9 лѣтъ, прижитыхъ ею незаконно, но не отъ убийцы, а еще прежде знакомства съ нимъ. Она ихъ любила. Оба они были свидѣтелями какъ съ вечера онъ, въ страшной сценѣ, измучилъ ихъ мать попреками и довелъ до обморока и просили ее не ходить къ нему въ комнату, но она пошла.

Газета "Голосъ" взываетъ къ публикѣ о помощи "несчастнымъ сиротамъ", изъ коихъ одинъ, старшій, воспитывался въ 5-й гимназіи, а другой пока жилъ дома. Вотъ опять "случайное семейство", опять дѣти съ мрачнымъ впечатлѣніемъ въ юной душѣ. Мрачная картина останется въ ихъ душахъ на вѣки и можетъ болѣзnenno надорвать юную гордость еще съ тѣхъ дней

... когда намъ новы
Всѣ впечатлѣнья бытія

а изъ того не по силамъ задачи, раннее страданіе самолюбія, краска ложнаго стыда за прошлое и глухая, замкнувшаяся въ себѣ ненависть къ людямъ, и это, можетъ быть, во весь вѣкъ. Да благословитъ Господь будущее этихъ неповинныхъ дѣтей и пусть не перестаютъ они любить во всю жизнь свою ихъ бѣдную мать, безъ упрека и безъ стыда за любовь свою. А помочь имъ надо непремѣнно. На этотъ счетъ общество наше отзывчиво и благородно. Неужели имъ оставить гимназію, если ужъ они начали съ гимназіи? Старшій, говорятъ, не оставитъ и его судьба будто ужъ устроена, а младшій? Неужто соберутъ рублей семьдесятъ или сто, а тамъ и забудутъ про нихъ? Спасибо и "Голосу", что напоминаетъ намъ о несчастныхъ.

III.

Елка въ клубѣ художниковъ.

Дѣти мыслящія и дѣти облегчаемыя.

"Обжорлива младость". Вуйки.

Толкающіеся подростки.

Поторопившіяся московскій капитанъ.

Елку и танцы въ клубѣ художниковъ я, конечно, не стану подробно описывать; все это было уже давно и въ свое время описано, такъ что я самъ прочелъ съ большимъ удовольствіемъ въ другихъ фельетонахъ. Скажу лишь, что слишкомъ давно передъ тѣмъ нигдѣ не былъ, ни въ одномъ собраніи, и долго жилъ уединенно.

Сначала танцевали дѣти, всѣ въ прелестныхъ костюмахъ. Любопытно прослѣдить какъ самая сложная понятія прививаются къ ребенку совсѣмъ незамѣтно и онъ, еще не умѣя связать двухъ мыслей, великодѣльно иногда понимаетъ самая глубокія жизненные вещи. Одинъ ученый нѣмецъ сказалъ, что всякий ребенокъ, достигая первыхъ трехъ лѣтъ своей жизни, уже приобрѣтаетъ цѣлую третью тѣхъ идей и познаній, съ которыми ляжетъ старикомъ въ могилу. Тутъ были даже шестилѣтнія дѣти: но я навѣрно знаю, что они уже въ совершенствѣ понимали: почему и зачѣмъ они приѣхали сюда, разряженныя въ такія дорогія платьица, а дома ходятъ замарашками (при теперешнихъ средствахъ средняго общества — непремѣнно замарашками). Мало того, они навѣрно уже понимаютъ, что такъ именно и надо, что это вовсе не уклоненіе, а нормальный законъ природы. Конечно, на словахъ не выразить: но внутреннено знаютъ, а это однако же чрезвычайно сложная мысль.

Изъ дѣтей мнѣ больше понравились самые маленькие; очень были милы и развязны. Постарше уже развязны съ нѣкоторою дерзостью. Разумѣется всѣхъ развязнѣе и веселѣе была будущая средина и бездарность, это уже общій законъ: средина всегда развязна, какъ въ дѣтяхъ, такъ и въ родителяхъ. Болѣе даровитые и обособленные изъ дѣтей всегдадержаннѣе, или если ужь веселы, то съ непремѣнной повадкой вести за собою другихъ и командовать. Жаль еще тоже, что дѣтямъ теперь такъ все облегчаютъ, — не только всякое изученіе, всякое пріобрѣтеніе знаній, но даже игру и игрушки. Чуть только ребенокъ станетъ лепетать первыя слова и уже тотчасъ же начинаютъ его облегчать. Вся педагогика ушла теперь въ заботу объ облегченіи. Иногда облегченіе вовсе не есть развитіе, а, даже напротивъ, есть отупленіе. Двѣ-три мысли, двадцати впечатлѣнія поглубже выжитыя въ дѣтствѣ, собственнымъ усилиемъ (а если хотите, такъ и страданіемъ), проведутъ ребенка гораздо глубже въ жизнь, чѣмъ самая облегченная школа, изъ которой сплошь да рядомъ выходитъ ни то ни се, ни доброе ни злое, даже и въ развратѣ не развратное, и въ добродѣтели не добродѣтельное.

Что устрицы, пришли? О радость!
Летить обжорливая младость
Глотать.....

Вотъ эта-то "обжорливая младость" (единственный дрянной стихъ у Пушкина потому, что высказанъ совсѣмъ безъ ироніи, а почти съ похвалой) — вотъ эта-то обжорливая младость изъ чего нибудь да дѣлается же? Скверная младость и нежелательная, и я увѣренъ, что слишкомъ облегченное воспитаніе чрезвычайно способствуетъ ея выдѣлкѣ: а у насъ ужь какъ этого добра много!

Дѣвочки все-таки понятнѣе мальчиковъ. Почему это дѣвочки, и почти вплоть до совершеннолѣтія (но не далѣе), всегда развитѣе или кажутся развитѣе однолѣтнихъ съ ними мальчиковъ? Дѣвочки особенно понятны въ танцахъ: такъ и прозрѣваешь въ иной будущую "Вуйку", которая ни за что не съумѣеть выйти замужъ, не смотря на все желаніе. Вуйками я называю тѣхъ дѣвицъ, которыхъ до тридцати почти лѣтъ отвѣчаютъ вамъ: вуй да нонъ. За то есть и такія, которыхъ, о сю пору видно, весьма скоро выйдутъ замужъ, тотчасъ какъ пожелаютъ.

Но еще циничнѣе, по моему, одѣвать на танцы чуть не взрослую дѣвочку все еще въ дѣтской костюмѣ; право нехорошо. Иныхъ изъ этихъ дѣвочекъ такъ и остались танцевать съ большими, въ коротенькихъ платьицахъ и съ открытыми ножками, когда въ полночь кончился дѣтской балъ и пустились въ плясъ родители.

Но мнѣ все чрезвычайно нравилось и еслибы только не толкались подростки, то все обошлось бы къ полному удовольствію. Въ самомъ дѣлѣ, взрослые всѣ празднично и изящно вѣжливы, а подростки, (не дѣти, а подростки, будущіе молодые люди, въ разныхъ мундирчикахъ и которыхъ была тьма) — толкаются нестерпимо, не извиняясь и проходя мимо съ полнымъ правомъ. Меня толкнули разъ пятьдесятъ; можетъ быть ихъ такъ тому и учатъ для развитія въ нихъ развязности. Тѣмъ не менѣе, мнѣ все нравилось, съ долгой отычки, не смотря даже на страшную духоту, на электрическія солнца и на неистовые командные крики балетнаго распорядителя танцевъ.

Я взялъ надняхъ одинъ номеръ "Петербургской Газеты" и въ немъ прочель корреспонденцію изъ Москвы о скандалахъ на праздникахъ въ дворянскомъ собраніи, въ артистическомъ кружкѣ, въ театрѣ, въ маскарадѣ и проч. Если только вѣрить корреспонденту (ибо корреспондентъ, возвѣщая о порокѣ, могъ съ намѣреніемъ умолчать о добродѣтели); то общество наше никогда еще не было ближе къ скандалу, какъ теперь. И странно: отчего это, еще съ самаго моего дѣтства, и во всю мою жизнь, чуть только я попадалъ въ большое праздничное собраніе русскихъ людей, тотчасъ всегда мнѣ начинало казаться, что это они только такъ, а вдругъ возьмутъ, встанутъ и сдѣлаютъ дебошъ, совсѣмъ какъ у себя дома. Мысль нелѣпая и фантастическая, — и какъ я стыдился и упрекалъ себя за эту мысль еще въ дѣтствѣ! Мысль невыдергивающая ни малѣйшей критики. О, конечно, купцы и капитаны, о которыхъ разсказываетъ правдивый корреспондентъ (я ему вполнѣ вѣрю) и прежде были и всегда были, это типъ неумирающій; но все же они болѣе боялись и скрывали чувства, а теперь, нѣть — нѣть, и вдругъ прорвется, на самую середину, такой господинъ, который считаетъ себя совсѣмъ уже въ новомъ правѣ. И безспорно, что въ послѣднія двадцать лѣтъ, даже ужасно много русскихъ людей вдругъ вообразили себѣ почету то, что они получили полное право на безчестье и что это теперь уже хорошо, и что ихъ за это теперь уже похвалятъ, а не выведутъ. Съ другой стороны я понимаю и то, что чрезвычайно пріятно (о, многимъ, многимъ!) встать посреди собранія, гдѣ все кругомъ, дамы, кавалеры и даже начальство такъ сладки въ рѣчахъ, такъ учтивы и равны со всѣми, что какъ будто и самъ дѣлѣ въ Европѣ, — встать посреди этихъ европейцевъ, и вдругъ что нибудь гаркнуть на чистѣйшемъ национальномъ нарѣчии, — свиснуть кому нибудь оплеуху, отмочить пакость дѣвушкѣ и вообще тутъ же среди залы нагадить: "Вотъ дескать вамъ за двухсотлѣтній европеизмъ, а мы вотъ они, всѣ какъ были, никуда не исчезли"! Это пріятно. Но все же дикарь ошибается: его не признаютъ и вы-

ведутъ. Кто выведеть? Полицейская сила? Нѣтъ-съ, совсѣмъ не полицейская сила, а вотъ именно, такие же самые дикари какъ и этотъ дикарь! Вотъ она гдѣ сила. Объяснюсь.

Знаете ли кому, можетъ быть, всѣхъ пріятнѣе и драгоцѣннѣе этотъ европейскій и праздничный видъ, собирающагося по европейски русскаго общества? А вотъ именно Сквозникамъ-Дмухановскимъ, Чичиковымъ и даже, можетъ быть, Держимордѣ, то есть, именно такимъ лицамъ, которые у себя дома, въ частной жизни своей — въ высшей степени национальны. О, у нихъ есть и свои собранія и танцы, тамъ у себя дома, но они ихъ не цѣнятъ и не уважаютъ, а цѣнять балъ губернаторскій, балъ высшаго общества, обѣ которомъ слыхали отъ Хлестакова, а почему? А именно потому, что сами не похожи на хорошее общество. Вотъ почему ему и дороги европейскія формы, хотя онъ твердо знаетъ, что самъ, лично, онъ не раскается и вернется съ европейскаго бала домой все тѣмъ же самымъ кулачникомъ; но онъ утѣшенъ, ибо хоть въ идеалѣ да почтилъ добродѣтель. О, онъ совершенно знаетъ, что все это миражъ; но все же онъ, побывавъ на балѣ, удостовѣрился, что этотъ миражъ продолжается, чѣмъ-то все еще держится, какою-то невидимою но чрезвычайно силуо, и что вотъ онъ самъ даже не посмѣлъ выйти на средину и что нибудь гаркнуть на национальномъ нарѣчіи, — и мысль о томъ, что ему этого не позволили, да и впредь не позволять, чрезвычайно ему пріятна. Вы не повѣрите до какой степени можетъ варваръ полюбить Европу; все же онъ тѣмъ какъ бы тоже участвуетъ въ кульѣ. Безъ сомнѣнія, онъ часто и опредѣлить не въ силахъ въ чемъ состоять этотъ культь. Хлестаковъ, напримѣръ, полагаль, что этотъ культь заключается въ томъ арбузѣ въ сто рублей, который подають на балахъ высшаго общества. Можетъ быть Сквозникъ-Дмухановскій такъ и остался до сихъ поръ въ той же самой увѣренности про арбузъ, хотя Хлестакова и раскусилъ, и презираетъ его, но онъ радъ хоть и въ арбузѣ почтить добродѣтель. И тутъ вовсе не лицемѣrie, а самая полная искренность, мало того — потребность. Да и лицемѣrie тутъ даже хорошо дѣйствуетъ, ибо что такое лицемѣrie? Лицемѣrie есть та самая дань, которую порокъ обязанъ платить добродѣтели — мысль безмѣрно утѣшительная для человѣка, желающаго оставаться порочнымъ практически, а между тѣмъ не разрывать, хоть въ душѣ, съ добродѣтелемъ. О, порокъ ужасно любить платить дань добродѣтели и это очень хорошо: пока вѣдь для насъ и того достаточно, не правда ли? А потому, и гаркнувшій среди залы въ Москвѣ капитанъ продолжаетъ быть лишь исключеніемъ и поторопившимся человѣкомъ, ну, по крайней мѣрѣ, пока; но вѣдь и "пока" даже утѣшительно въ наше зыбучее время.